

«ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ» КАК ВИД ПРЕСТУПЛЕНИЯ В БЕЛОРУССКИХ ГОРОДАХ В XVI – XVIII ВВ.

Н.Н. Алексейчикова (Могилев)
Белорусско-Российский университет (Могилев)

В XVI – XVIII вв. супружеская неверность («прелюбодеяние», «чужеложество») рассматривалось как уголовное преступление и приравнивалось к таким видам преступлений как убийство и изнасилование: *«Убийца, насильник женщин и тот кто на чужеложестве пойман был...»* [5, s. 199]. За подобное преступное деяние согласно общегосударственному праву предусматривалась смертная казнь: *«Забегаячи межи иншими и той злости, абы ся в панствах наших христианских не множила, то ест чужоложства, которым неменей пан бог бываете обржон, уставуем: естли бы муж, маючи в подозренью жону свою о чужоложство, и на тое бы ся насадиши якого колвек стану, застал з нею на вшетечности, тогды вольно будет мужу, оного чужоложника и з женою своею поймавши, и то суседом околичным заразом оповедати. Потом также заразом вести до вряду нашего гродского, а там показавши то перед урядом явне и правдиве, не з вазни, яко против жоны або тому, кого з нею застал, маеть их самотреть албо з людми сторонними, которые бы при том застанью и пойманью были, албо з слугами и челядью домовою попресегнути. А они обое горлом карани быти мають...»* [4, с. 345]. Несколько иначе решен вопрос о наказании прелюбодеев в городском праве. Так Б. Гроицкий хотя и ставит нарушителей супружеской верности в один ряд с убийцами и насильниками, однако, отмечает, что: *«Некоторые желая, чтобы чужеложство наказывалось согласно давним обычаям, установили, чтобы чужеложник каран был мечом <...> Однако, такое тяжелое наказание чужеложником было смягчено духовным и городским правом, так в соответствии с духовным правом чужеложники подлежали отлучению от церкви или разводу. А согласно городскому праву бедные люди карались голодом или изгнанием из общества, а богатые штрафом или другим видом наказания...»* [7, s. 206]. Таким образом, в XVI в. наблюдается с одной стороны смягчение наказания, с другой – наблюдается его дифференциация в зависимости от материального положения преступника. Реальная практика показывает, что действительно в белорусских городах наказание такого рода преступника зависело от его материально благосостояния: *«Жаловался славетный пан Павел Кузевка, посполитый могилевский <...> о том, что Роман Козакевич, мещанин могилевский и неучтивая Анастасия Мелешкова, шинкарка, совершили чужеложство <...> против которых жаловался <...> такими словами <...> в 1750 году <...> нерадница Настасья <...> 23 января пришла вечером пьяная*

до Райя и легла спать в коморе; в это же время пришел Ромка, немного задержавшись в скорости ушел у Семену Бутоте на крестины, где немного побыв, вернулся вновь к Райю и войдя в комору, закрыл двери, где на кровати спала Анастасия (и совершил прелюбодеяние – А.Н.) <...> А так мы, городской уряд <...> отмечем, что обвиненный Роман Козакевич, имеющий годную и почтливую венчанную жену и рожденный от нее детей, за совершенный теперь поступок с неучливой Анастасией Мелешковой, шинкаркой, должен был быть наказан публичной позорной казнью, однако уважая слезы жены и детей <...> и его раскаяние, от публичного наказания освобождаем, за совершенные выстук, оскорбляющий Бога и противный людям, должен заплатить 30 битых талеров на городской могилевский гарнизон и дать две скрыне стекла на окна для судебной избы...» [3, с. 292–293]. В тоже время, несмотря на наставления правоведа, временами смертная казнь применялась по отношению к такого рода преступникам. Так произошло в г. Могилеве в 1619 г., когда был вынесен смертный приговор Дарье Козлевне и ее любовнику Илье Онопреевичу: «Наумъ радковичъ, мещанинъ Могилевсїй, зъ дочкою своею Марєю Наумовною, жоною Илли Онопреевича, жаловаль <...> нга зятя своего Иллю Онопреевича, мещанина, мещанина могилевского, и на Одарью Козлевну, цузоложницу его, о томъ, ижъ дей тотъ Илля Онопреевичъ, маючязя собою въ стане малженскомъ дочку мою, съ которой ведле обычаю людского и пристойности христїанское мешъкаетъ, але запомневши боязни божое и скрогости права посполитого, набравши се волее своее и злого умыслу, чинечи чужоложство зъ тою Одарєю Козлевною одъ давного часу, не разъ, не два, а ни десять, то есть противку Господу Богу и праву прирожоному, отъ жоны своее а дочки моее, въ блюде зъ нею, Козлевною, мешкаетъ и цузолоство полнить <...> узнавши тыхъ обжалованныхъ, Иллю Онопреевича и Одарю Козлевну въ томъ учинку ихъ винныхъ, сказали есмо обеюхъ, яко на цузолостве и вшетечномъ учинку свежо пойманныхъ, накаранье то есть кату мечомъ поставити...» [2, с. 347–351]. Столь суровое наказание могло быть обусловлено не столько проступком Ильи и Дарьи, сколько тем обстоятельством, что данное преступление совершалось ими не единожды, т.е. имел место рецидив.

В XVI–XVIII вв. к данной категории преступлений относили интимные отношения между близкими родственниками: «Если бы кто чужеложство совершил с падчерицей, с мачехой или со свекровью, или с кем либо из близких родственниц, такой <...> должен быть наказан согласно давнему праву...» [7, с. 153]; «Аще свекор съ снохою блуд сотворит, митрополиту 40 гривен. Аще девер съ ятровью блуд сотворить, митрополиту 12 гривен. Аще кто с мачехою блуд творить, митрополиту 12 гривен. Аще два брата блуд творить имут со единою женою, митрополиту на нихъ 30, а женка в' домъ божии. Аще отецъ со

д'щерью блуд творить, митрополиту 40 гривенъ, а опитемия по закону...» [1, с. 101]. В данном случае, преступники приговаривались к смертной казни. Такой случай был зафиксирован и в Могилеве в 1752 году, когда Федор Ходулонок вступили интимные отношения со своей падчерицей Натальей, результатом данной связи стало рождение младенца, которого Наталья «испугавшись гнева отчима своего и по глупости своей удушила». За содеянное преступление суд приговорил преступников к смертной казни [3, с. 408–409]

Измена считалась таким тяжелым преступлением еще и потому, что могла привести к рождению незаконнорожденного ребенка, который являлся нежелательным, как для самих родителей, так и общества в целом. О стремлении общества уменьшить количество незаконнорожденных детей, говорит, то обстоятельство, что такие дети были весьма ограничены в своих правах, о чем речь пойдет чуть ниже. В рассматриваемое время женщины нередко стремились избавиться от него, т.е. убивали своего собственного ребенка. Подобное преступление каралось смертной казнью: *«Если которая женщина плод свой, который уже живой есть и части тела на нем разобрать можно было убьет, та должна быть заживо закопана...»* [5, с. 157–158]. Так, в суде Могилевского магистрата в середине XVIII в. рассматривалось дело еврея Адама Михалевича и христианки Парасьи Даниловны, которые заключили брачный союз. Как уже отмечалось, такой брак не имел право на существование и приравнивался к измене. Результатом такого брака стало рождение на свет девочки, которую родители убили. Рассмотрев все обстоятельства, суд вынес следующие решение: *«Абрам Михалевич и Параска Данилова, как явные преступники, через палача должны быть заживо спалены»* [2, с. 229–237]. В данном случае оба родителя понесли ответственность за преступление, поскольку принимали в нем одинаковое участие.

Измена, как и всякое другое преступление должно быть доказано, поэтому в своих работах Б. Гроицкий приводит ряд доводов, которые могли быть доказательством измены, и тех, которые такими не являлись: *«На измену такой знак есть далекий, если кто сообщит, что видели что милуются. Близкий, если кто ходит к чужой жене в дом, когда дома нет мужа. Наиблизкий и явный, когда его с чужой женой на одной кровати застали»* [6, с. 193].

В тоже время, согласно памятникам городского права оскорбленный муж, не только должен был задержать любовника своей супруги, но и, получал возможность применить по отношению к последнему физическое воздействие: *«Муж если бы у жены зостал чужеложника и не мог его поймать, то может его ранить или убить...»* [7, с. 207]. Более того, подобным образом он мог поступить, имея всего лишь подозрения. В этом случае было достаточно, чтобы мужчина в присутствии свидетелей обвинил подозреваемого, а потом если бы застал его разговаривающим со

своей женой, причем уже не имело значения где: тайно ли в ее или его доме, или на улице, то имел право убить [7, s. 207]. Несколько иначе обстояло дело, если речь шла о наказании неверной жены. Супруг не имел права наказывать свою жену не получив должных доказательств. Более того, магдебургское право предусматривало ряд смягчающих обстоятельств позволявших неверной жене избежать наказания: «*Первое, если сам чужеложником есть <...> Второе, если ей какую причину дал. Третье, если с ней не жил, а она считала, что он умер, Четвертое, если то совершило под давлением, не по своей воле, а в результате насилия. Пятое, если бы чужеложника считала своим мужем...*» [7, s. 207].

Таким образом, в XVI–XVIII вв. на белорусских землях в целом, и в городах частности, значительное внимание отводилось проблеме супружеской верности, которая в рассматриваемый период времени считалась одним из видов уголовных преступлений. Наказание за данный вид преступлений зависело от материального благосостояния преступника и ряда других обстоятельств. Высшая мера наказания применялась в белорусских городах редко, в случае рецидива или когда данному виду преступного деяния сопутствовало более тяжкое преступление (убийство).

Литература:

1. Древние русские княжеские уставы XI – XV вв. / сост. Я.Н.Щапов. – М.: Наука, 1979. – 239 с.
2. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 8: Приходо-расходные книги г. Могилева за 1691 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1591–1634 гг. / под ред. Созонова–1877. – 530 с.
3. ИЮМ: в 32 т. Вып. 15: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1706 г. Акты, извлеч. из книг Могилевского магистрата за 1747 – 1756 гг. / под ред. Созонова. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1884. – 528 с.
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: тэксты, даведнік, каментарыі / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Бел. сав. энцыкл. імя П.Броўкі, 1989. – 573 с.
5. Groicki, B. Obrona sierot i wdów / B. Groicki. – Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1958. – 345 s.
6. Groicki, B. Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburskiego w Koronie Polskiej / B. Groicki. – Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1953. – 258 s.
7. Groicki, B. Tytuły prawa majdeburskiego od Porządku i do Artykułów, pierwiej po polsku wydanych, w sprawach tego czasu nawięcej kłopotnych z tegoż prawa majdeburskiego przydane / B. Groicki. – Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1954. – 305 s.